

ВАЛЕНТИНА ПОДШИВАЛКИНА,

доктор социологических наук, заведующая кафедрой общей и социальной психологии Института математики, экономики и механики Одесского национального университета им. И.И.Мечникова

К вопросу о применении качественных методов в социологии, или Какой опыт мы изучаем?

Abstract

The quality methods in sociology are especially efficacious within framework of researching the hidden and unpublic side of human life.

The paper is devoted to problems of quality methods choice. In this context, the most important problem is to understand the logic of requirements to technique used in different methods. The author analyzes the differences of situations of quality methods application. Beginning from description of three methods choice criteria, such as level of the experience prevalence, level of its publicity and level of its reflectiveness, she shows: (1) the differences between the spheres of private, non-private and public life experience; (2) the levels of experience prevalence, i.e. the unique experience, the plural non-standard experience, and the plural standard experience. These features of analyzed situation explain the strategies of methods choice. Hence, the features of situations are determining the differences of research techniques. F.e., the non-structured interview is more effective in study of unique private experience, whereas the structured interview – in study of plural standard public experience.

The main value of the offered approach to substantiation of interview typology can be resumed in displacing an accent from the peculiarities of procedure to peculiarities of individual or group experience.

Статья написана в рамках подготовки руководства по применению качественных методов в социологии. Ключевая идея, лежащая в его основе, — поддержание профессионализма. Известно, что специалист отличается от неспециалиста способностью контролировать свою деятельность и ее результаты, пониманием ограничений своих возможностей и умением ориентироваться в релевантной литературе. В отечественной социологии (и в це-

лом в постсоветском пространстве) ощущается недостаток специализированной литературы по методологии и методам социологических исследований, что, по мнению Г.Татаровой, является причиной методологической травмы современных социологов [1, с. 4].

Одним из поводов разработки руководства явились определенные трудности, с которыми наша социология столкнулась в период политического противостояния в стране. В это время стало особенно очевидным методическое несоответствие классического инструментария, которым пользовались многие социологи в условиях крайней поляризации общественного мнения, в силу чего смысловые единицы оказались нетождественными.

Кроме того, стимулами к написанию руководства стала неудовлетворенность автора расстановкой акцентов в современных отечественных и зарубежных учебниках по качественным методам, а также потребность в осмыслении собственного опыта социологических исследований с применением качественных методов и преподавания в течение десятилетия соответствующего курса.

Качественные методы активно развиваются в последние годы, и их методологическое и методическое осмысление продолжается. Вместе с тем они довольно противоречиво характеризуются в современной социологической литературе, что вызывает либо скептическое отношение к ним, либо игнорирование специфики их применения.

Метод, в самом общем виде, можно определить как систему регулятивных принципов и правил деятельности, которыми руководствуется субъект при исследовании некоторого объекта, как систему научно разработанных правил, приемов познания, основывающихся на изучении объективной действительности и призванных освещать путь исследования. Основные функции метода — внутренняя организация и регулирование процесса познания или практического преобразования того или иного объекта.

На протяжении XX века в социальных науках велась активная работа по апробации, адаптации, разработке и развитию, с одной стороны, тех естественнонаучных методов, которые уже успешно зарекомендовали себя в изучении внешней по отношению к человеку действительности, а с другой — собственных методов, учитывающих предметную специфику наук, изучающих деятельность людей.

В рамках классической методологии метод исследования в значительной мере определяет объективность полученного знания, но в рамках этой методологии не рассматривается вопрос, чем кроме соображений целесообразности обуславливается выбор того или иного метода. Миф о существовании единственного правильного метода, дающего ключ к истине, является одним из мифов классической методологии.

Так называемая неклассическая методология предметом рефлексии делает сам метод, что позволяет определить границы познавательных возможностей исследователя. Но уже постнеклассическая методология развитие методов рассматривает как развитие средств преодоления ограничений в процессе получения истинного знания, связанных с собственной позицией ученого в конкретном социуме и его теоретическими приоритетами.

Развитие научных методов определяют две основные традиции изучения действительности: целевой, телеологический и причинностный, каузальный подходы. Каузальный подход, положенный в основу классическо-

го научного исследования, в том числе социологического, направлен на изучение взаимосвязей явлений, прежде всего — причинно-следственных. Сущность явления при данном подходе определяется исходя из природы его частей и их внутренних связей. В рамках этого подхода наибольшее развитие получил научный опыт, или экспериментальный метод.

Телеологический подход сосредоточивается на качественных изменениях, переходах объекта из состояния в состояние на пути достижения определенной цели, или, по Аристотелю, “финальной причины” [см. об этом: 2, с. 10]. Качественные методы развиваются в рамках этой традиции.

Современное развитие социологии обеспечивается за счет сочетания преимуществ этих двух подходов, поскольку в социальной жизни можно выделить две грани: активную, саморазвивающуюся и пассивную, отражающую последствия воздействия внешних факторов.

Развитию качественных методов способствовало обоснование В. Виндельбаном и Г. Риккертом идеи о равноправии двух типов наук, или двух подходов к изучению действительности: *номотетического* (законополагающего), или генерализирующего, описывающего универсальное, общее, и *идеографического*, индивидуализирующего, описывающего уникальное, неповторимое, специфичное. Эта идея имеет особое значение для развития качественных методов, поскольку в европейской традиции, начиная с Сократа и Платона, общее, закон всегда ценились больше, чем *индивидуальное*, фактическое [подр. см.: 3].

Не одно десятилетие в рамках классической, естественнонаучной, детерминистской парадигмы противопоставлялись здравый смысл, в основе которого, по сути дела, лежит уникальный жизненный опыт конкретного человека, и научное знание, полученное в эксперименте и независимое от наблюдателя.

Жизненный опыт до сих пор зачастую трактуется как совокупность банальностей, общеизвестных истин, где нет места творчеству и диалектике. Но, как справедливо отметил Е. Суименко, “иной здравый смысл далекого от науки “простого” человека, очень близкого к эмпириям жизни и ее животрепещущим проблемам, дает и может дать во сто крат больше дельных мыслей и подмеченных им фактов, достойных новых знаний и научных концепций” [4, с. 177].

П. Корнеев определяет жизненный опыт как самобытный, неповторимый синтез всевозможных знаний и оценок, впечатлений, чувств и других состояний и актов, осуществляемых в индивидуальной человеческой жизни и направленных на решение ее проблем [5, с. 143].

Согласно Э. Гуссерлю, повседневный мир противопоставляется конструкциям естествознания. Во-первых, жизненный мир всегда отнесен к субъекту, это его собственный окружающий повседневный мир. Во-вторых, именно поэтому повседневный жизненный мир имеет телеологическую структуру, поскольку все его элементы соотношены с целеполагающей деятельностью человека [6, с. 57].

Жизненный опыт не вполне тождествен экспериментальному опыту. Он принципиально неповторим, невозпроизводим, незавершен, принципиально не отделим от конкретной личности, в отличие от научного опыта или эксперимента.

А.Богданов указывает на разницу между *индивидуальным и коллективным опытом* [7, с. 107]. Он обращает внимание на феномен дробления как содержания опыта людей, так и отношения к нему. Основу такого дробления, по мнению А.Богданова, составляет функциональная вертикаль (элита, вожди и граждане) и функциональная горизонталь (специализация деятельности). Феномен дробления опыта сужает возможности взаимопонимания людей и приводит к “дроблению” самого человека. В современном, специализированном обществе возникает потребность в объединении или собирании раздробленного опыта [7, с. 111]. Взаимное общение позволяет получать новое содержание индивидуального опыта и новые вопросы и задачи из опыта других людей.

Научный опыт, или эксперимент в соответствии с представлениями классической парадигмы важнее здравого смысла или жизненного опыта. Но вместе с тем именно в жизненном опыте ожидается использование результатов научного опыта.

Из этого, однако, вовсе не следует, что количественные методы, развитие которых происходило в рамках классической, естественнонаучной парадигмы, игнорируют жизненный мир и жизненный опыт людей, в отличие от качественных методов. С моей точки зрения, количественные и качественные методы позволяют исследовать разные — и по содержанию, и по особенностям его приобретения и реализации — виды опыта.

Прежде всего отмечу такую характеристику опыта, как его *публичность/приватность*. Принципиально непубличный опыт касается не только скрытых, “закулисных”, по Гоффману, сторон жизни, но зависит также от степени скрытности той или иной личности [8]. Кроме того, в каждой культуре скрытая сторона жизни имеет свою специфику. Поцелуи влюбленных на улицах Парижа и поцелуи таких же влюбленных на Востоке в этих культурных контекстах могут приобретать разные смыслы.

То, что мы можем отнести к “закулисию”, не обязательно должно выходить за границы принятых норм (хотя и это может иметь место, например в виде неправовых практик). Но чаще речь идет о “черновой кухне”, по выражению К.Левина, любого вида деятельности. Например, во время балетного спектакля мы вряд ли хотели бы видеть работу рабочего сцены, который тащит импровизированную лодку, на которой находятся герои спектакля. Однако наше общее впечатление о спектакле будет зависеть от участия многих людей, а не только от игры актеров. Или же в ресторане нам вовсе не интересно наблюдать за работой поваров на кухне (и тем более их отношениями между собой), хотя некоторые блюда в ресторане принципиально готовятся в присутствии клиента, но и в этом случае часть действий повара, его подготовительная работа не демонстрируется.

Количественные методы наиболее адекватны при исследовании опыта в большей степени публичного, в отношении которого сложились определенные правила. Качественные же более чувствительны к нюансам непубличного или мало публичного опыта.

Кроме того, следует иметь в виду *степень эксклюзивности или типичности опыта*. Эксклюзивный опыт может оставаться случайным, а может быть свидетельством зарождающихся новых социальных практик, которые со временем могут институционализироваться, и для социолога важно не пропустить процесс этого зарождения.

Отдельные субкультуры порождают множественный специфический опыт, который, имея хождения в определенных обстоятельствах, остается эксклюзивным для общества в целом, и стандартизация его при этом не является жесткой. Наряду с этим институционализация многих сфер жизни общества порождает множественный, фиксированный и стандартизированный опыт (например, обучение в школе регулируется устойчивыми правилами, которым следует любой, кто должен получить необходимый для общества уровень знаний).

Чем более уникальной является социальная ситуация, в которой оказался информант, чем меньше распространенность таких ситуаций в социуме, тем более адекватным представляется применение качественных методов.

Рефлексируемость — нерефлексируемость опыта. Множество рассказов, которые сопровождают человеческое бытие, свидетельствуют о том, что у людей существует потребность в объективации собственного опыта и рассмотрении его с разных точек зрения в присутствии разных слушателей.

Применение традиционных социологических методов основывается на предположении о полной рефлексируемости полученного человеком опыта и его отношения к миру. В реальной социологической практике социолог предполагает готовность респондента сразу же после прочтения вопроса дать ответ на любой сформулированный социологом вопрос.

Вместе с тем, с одной стороны, не вся деятельность может поддаваться прямой рефлексии, а с другой — люди отличаются между собой способностью к этой самой рефлексии. Можно встретить людей, воплощенных Хлестаковых, которые не столько отражают собственный опыт, сколько заменяют саморефлексию фантазией. Отсюда необходимость контроля исследователем качества нарративов информантов, чтобы не быть обманутым или введенным в заблуждение.

Качественные методы ориентированы на работу с информантами, с одной стороны, склонными к рефлексии, а с другой — мотивированными на объективацию собственного опыта в виде нарративов. Безусловно, в пределах устойчивых сложившихся практик или множественного и, в той или иной степени, стандартизированного опыта так называемые количественные методы представляются оптимальными. Для исследования сложившихся социальных практик вполне достаточно собственного опыта исследователя, подкрепленного анализом исследований предшественников. Но исследования вновь зарождающихся, инновационных практик или практик вне публичной сферы на определенном историческом этапе (например, феномен фарцовки советского периода стал основой для предпринимательской деятельности в современное время) возможны на основе применения принципиально других методов.

Качественные исследования, на мой взгляд, направлены на выявление специфики определенного жизненного опыта или повседневного знания, а количественные — *на оценку его значимости и интенсивности проявления.* Иными словами, обычные социологические опросы в большей мере ориентированы на выяснение масштаба, объема, интенсивности знания или опыта респондентов в той или иной сфере и отношения к нему.

Классические опросные процедуры прежде всего направлены на познание рефлексируемой, публичной и достаточно распространенной практики людей. При этом акцент делается не столько на самом личном опыте, сколько

на отношении к измеряемым параметрам тех ли иных социальных практик, а также мнениях о них и их оценках. Исследователь изначально исходит из того, что практики ему известны — неизвестными остаются их распространенность и отношение к ним.

Отсюда использование качественных методов предполагает:

- отбор информантов не столько на основе социально-демографических характеристик, сколько на основе учета их опыта в решении той или иной проблемы;
- направленность формулировок вопросов на отражение жизненного опыта информанта;
- использование стратегий, позволяющих неоднократные обращения к информанту, связанные с уточнением информации;
- учет необходимости сохранения не столько анонимности, которая в некоторых ситуациях невозможна, сколько личной мотивации информанта в исследовании и его продолжении.

С 1970-х годов резко возрастает интерес к методам интервьюирования. В.Семенова в одном из первых российских учебных пособий по качественным методам определяет интервью как непринужденную беседу двух людей, в которой один из участников — интервьюер — помнит, что в данной ситуации он выступает как профессиональный исследователь, имитирующий роль равноправного собеседника [9, с. 103]. А.Готлиб также подчеркивает целенаправленность и заданность общения интервьюера и информанта [10, с. 286]. К.Робсон определяет интервью как вид разговора или беседы, но с определенной целью [11, с. 228].

Существует множество оснований для классификаций интервью. К числу бесспорных А.Готлиб относит способ организации (индивидуальные и групповые интервью), характер общения (непосредственно очное и телефонное интервью), специфику источника информации (интервью с массовым респондентом и экспертом), особенности процедуры интервью (интенсивное, глубинное, фокусированное) [10, с. 289].

Все виды интервью разделяются также по технике проведения на, с одной стороны, свободные, нестандартизованные, неформализованные (все три слова являются синонимами) и, с другой — “несвободные”, стандартизованные, формализованные.

Общепринятым является мнение, что формализованное интервью предназначено для получения однотипной информации от каждого респондента. Ответы всех респондентов должны быть сравнимы и поддаваться классификации. Еще одним критерием отнесения интервью к формализованным является наличие закрытых вопросов (в частности, на этом настаивает С.Белановский [12]). Формализованные интервью называются также структуризованными и стандартизованными, и в нашей стране эти слова часто употребляются как синонимы.

Неформализованные интервью включают широкий перечень видов опроса, не отвечающих требованию сопоставимости вопросов и ответов. При использовании неформализованного интервью не делается попытки получения однотипной информации от каждого респондента, и индивид не является в них учетной статистической единицей. Содержание интервью может меняться от респондента к респонденту: каждый респондент сообща-

ет ту информацию или высказывает те мнения, которые он может представить наилучшим образом. Соответственно неформализованные интервью состоят из открытых вопросов. Неформализованное интервью, в отличие от формализованного, не требует в качестве предпосылки для его проведения предварительной проработки всех пунктов информации, которая должна быть получена. Если в интервью имеются вопросы обоих типов, оно называется полужформализованным [10].

Э.Феннето в зависимости от выбранной формы поведения определяет направленные, полунанправленные и ненаправленные интервью [13, с. 14].

Различают интервью с респондентами и с информантами. В первом случае исследователь контролирует весь процесс, в другом — структурирование интервью определяет сам информант, и тут важное значение имеет восприятие и понимание информантом конкретной ситуации или контекста [11, с. 233].

Все существующие типологии основываются на некоторых значимых характеристиках интервью и с дидактической точки зрения позволяют отразить многообразие видов интервью. Вместе с тем все чаще обсуждается проблема обучения новым качественным методам. Научить — значит прежде всего дать такие знания, которые позволили бы сделать правильный выбор метода, исходя как из задач исследования, так и из особенностей изучаемой реальности, но именно эти особенности чаще оказываются не отраженными во многих учебниках. Не случайно в последние годы остро встал вопрос, как обучать качественным методам.

Классификации интервью, в основе которых лежат технические особенности проведения интервью, позволяют предполагать, что выбор вида интервью — сугубо личное дело социолога, что не в полной мере отражает специфику самой процедуры выбора исследовательского инструментария. Начинаящий социолог может naивно полагать, что у него нет каких-либо ограничений в использовании любого вида интервью. Вместе с тем выбор каждого из видов предопределяется естественными ограничениями, понимание которых и отличает профессионала от непрофессионала.

Я исхожу из того, что так называемая качественная социология не сводится только к новым методам, она направлена на изучение индивидуально- и группового опыта и действий и на изучение определенной части реальности.

Поэтому, на мой взгляд, предлагаемые критерии различных видов индивидуального и группового опыта могут помочь понять различия между тремя видами интервью: беседою, свободным и полужформализованным интервью.

Итак, *беседа* более адекватна при исследовании уникальных ситуаций, которые не попадают или редко попадают в поле зрения исследователей. Здесь важно подчеркнуть, что, хотя речь идет об индивидуальном опыте, его значение для судеб других может быть очень большим. Прежде всего речь идет об управленческих решениях, которые могут приниматься узким кругом людей, но при этом могут иметь серьезные последствия для целого мира.

Кроме того, любые пионерские, инновационные проекты предлагаются отдельными личностями и аккумулируют в себе их личный жизненный опыт, трансляция которого может иметь позитивное значение для многих других людей. Метод беседы незаменим, когда исследователь обращается к

изучению новых для него миров относительно закрытых социальных групп и их “закулисья”.

Метод беседы наиболее адекватен в ситуации, когда информант не только обладает определенным уникальным опытом, но и склонен к его рефлексии, что находит отражение в попытках рассказать о нем другим. Следует отметить, что отсутствие коллективной рефлексии пережитого информантом опыта приводит к отсутствию общепринятых понятий и терминов, поэтому информант максимально использует известную ему лексику. Проблема, которую склонен обсуждать информант, прежде всего им самим переживается как проблема. Информант при использовании метода беседы занимает позицию эксперта, в качестве которого может оказаться любой, кто пережил уникальный опыт.

Свободное интервью может быть более уместным при исследовании ситуаций, в которые включен с различных ролевых позиций широкий круг людей. Иными словами, свободное интервью целесообразно использовать для исследования качественного своеобразия опытов людей, включенных в определенные относительно известные ситуации. Отсюда исследователь может представить себе основные блоки возможного опыта, и его задача состоит в том, чтобы максимально отобразить круг ролевого разнообразия опыта. Выделяемые им основные блоки опыта могут быть по-разному представлены в индивидуальном опыте. Основная проблема исследователя при применении свободного интервью — это проблема контроля того, чтобы информант не выходил за пределы личной компетенции, концентрировался на собственном опыте, а не на оценках того, что пережили другие и что он почерпнул из взаимодействия с другими, в том числе из различных источников информации. Именно качественное своеобразие пересечения траекторий различных опытов составляет основу применения свободного интервью.

Полуформализованное интервью. С моей точки зрения, важно подчеркнуть, что неполная формализация процедур этого вида интервью связана с особенностью практик, для изучения которых этот метод наиболее адекватен. Речь идет о повседневных распространенных, относительно формализованных практиках, в отношении которых существуют определенные правила и нормы, но реализация которых в каждом конкретном случае предполагает множество качественно различных поведенческих образцов. Именно многообразие конкретных специфических образцов поведения может стать предметом исследования, для реализации которого полуформализованное интервью представляется наиболее продуктивным.

Общим местом стало утверждение, что неформализованное интервью, в отличие от формализованного, не требует в качестве предпосылки для его проведения предварительной проработки всех пунктов информации, которая должна быть получена.

Подготовка путеводителя становится возможной благодаря тому, что эти практики достаточно распространены и охватывают множество социальных акторов, в том числе и самих исследователей, обладающих представлениями о существующих нормах их реализации и поэтому способных разработать перечень вопросов для обсуждения, так называемый путеводитель, еще до встречи с информантами. Таким образом, по моему мнению, первичной является *полуформализованность самих социальных практик, а не метода.*

При полужформализованном интервью именно многообразие опытов в рамках определенных норм и правил является главным объектом интереса исследователя. Благодаря этому методу можно проследить динамику изменения этих норм и правил. Кроме того, наличие общих правил не может регулировать все аспекты непубличной стороны человеческого опыта. Скрытые виды практик становятся благодаря этому методу в той или иной мере доступными исследованию.

Коль скоро речь идет о полужформализованных видах социальных практик, то при изучении их самой важной проблемой становится проблема проникновения *за границы социально желательных и декларативных ответов информантов*. Поэтому даже в “жестком” варианте интервью вопросы имеют общие формулировки, чтобы спровоцировать оригинальные ответы, при этом важна именно первая реакция информанта.

Следует отметить, что в целом интерес к качественным методам актуализируется на фоне теоретического осмысления конструктивистской деятельности людей и формирования конструктивистского подхода в самой социологии. К качественным методам целесообразно обращаться при исследовании деятельности людей, предполагающей множественность исходов развития социальных объектов. Любой социальный процесс можно представить как серию последовательных выборов, осуществляемых субъектом из “множества всех возможных миров”, из которых только один реален, а остальные мыслимы как логически возможные, то есть непротиворечивым образом представляющие возможные факты или связи вещей.

Кроме того, полагаю, качественные методы плодотворны тогда, когда в поле зрения социолога попадают новые, только становящиеся явления и процессы, в том числе и быстро исчезающие, переходные, для которых характерны несформированность внутренних и внешних связей, их стохастический и случайный характер. Жизненный цикл таких феноменов в историческом плане может быть краток, тогда как их влияние на последующие события велико.

Качественные методы эффективны для исследования статистически малозначимых событий, которые, несмотря на это, могут оказывать решающее влияние на ход социальных процессов. Наряду с этим качественные методы целесообразно использовать при исследовании субъектной, личностной составляющей социальных процессов (народный герой, популярная личность, инициативный деловой человек), для которой характерна неполная тождественность внешне наблюдаемого поведения и внутренних смыслов и побуждений. В таких ситуациях типичность проявлений может маскировать реальные смыслы и значения, как по злему умыслу, так и вследствие того, что внутренние переживания всегда уникальны, а формы выражения объективны и типичны.

Качественные методы результативны для исследования скрытой, интимной, непубличной стороны жизни человека, которая принципиально не демонстрируется в соответствии с культурными и социальными нормами, может противоречить им и развиваться, не будучи выставляемой в определенный период на показ, но потенциально в будущем способная стать господствующей в социуме.

Таким образом, предложенный подход к обоснованию типологии видов интервью смещает акценты критериев выбора исследователем методов ис-

следования с процедурных особенностей на особенности индивидуального, группового и социального опыта в целом.

Литература

1. *Татарова Г.Г.* Методологическая травма социолога. К вопросу об интеграции знания // Социологические исследования. — 2006. — № 9. — С. 3–11.
2. *Козьмина А.В.* Методологические предпосылки использования каузальной и телеологической причинности // Социология: 4 М. — 2005. — № 21. — С. 2–27.
3. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. — М., 1998.
4. *Суименко Е.И.* Интеллект и действие // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2007. — № 1. — С. 167–190.
5. *Корнеев П.В.* О понятии жизненного опыта // Философские науки. — 1980. — № 1. — С. 143–147.
6. *Гуссерль Э.* Кризис европейского человечества // Философская и социологическая мысль. — 1996. — № 7–8. — С. 33–68.
7. *Богданов А.А.* Собираение человека // Психологический журнал. — 2004. — Т.25. — № 2. — С. 106–115.
8. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. — М., 2000.
9. *Семенова В.В.* Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. — М., 1998.
10. *Готтлиб А.С.* Введение в социологическое исследование: Качественные и количественные подходы. Методология. Исследовательские практики : Учеб. пособие. — Самара, 2002.
11. *Robson C.* Real World Research. A Resource for Social Scientists and Practitioner. — S.l., 1999.
12. *Белановский С.А.* Свободное интервью как метод социологического исследования // Социология: 4М. — 1991. — № 2. — С. 5–19.
13. *Фението Э.* Интервью и опросник: формы процедуры, результаты. — СПб., 2004.